

ПОНИМАНИЕ СОЦИОЛЕКТОВ ПЕРЕВОДЧИКОМ
UNDERSTANDING SOCIOLECTS BY THE TRANSLATOR

А. Б. Бушев
Alexandre B. Bouchev

Тверской государственный университет
Тверь, Россия
Tver State University
Tver, Russia

e-mail: alex.bouchev@yandex.ru

Социальная и профессиональная вариативность в языке, их функциональная роль важны для понимания в родном языке. В данной статье на материале социолектов показано, что территориальные диалекты, консерватизм и новаторство в речи, социолекты как отражение социальной структуры и профессионального расслоения, изучение функций языка в разных ситуациях общения значимы для формирования переводческой компетенции русской языковой личности.

Ключевые слова: перевод; социолект; социальная вариативность в языке; фольклор; разговорный стиль; просторечие.

The functional role of social and professional diversity in the language is paramount for the capacity of the interpreter. The material under study in this paper is represented by social varieties of the language. Territorial varieties, jargons colloquial style, social stratification are shown in the language as the signs that need to be detected by the interpreter for proper rendering.

Keywords: interpretation; social varieties of the language; folklore; colloquial style; slang.

Социальная и профессиональная вариативность в языке, их функциональная роль важны для понимания в родном языке. Структура социальной дифференциации языка многомерна и включает как стратификационную дифференциацию, обусловленную разнородностью социальной структуры, так и ситуативную дифференциацию, обусловленную многообразием социальных ситуаций. Языковые знаки, связанные с социальной, стратификационной, временной дифференциацией языков, могут быть введены в текст намеренно, разными способами (без пояснения, с пояснением в контексте или в сносках, с выделением различного рода). Являя собой актуализации в исходном тексте, они требуют особенно сложных переводческих решений в тексте транслята. Территориальные диалекты, консерватизм и новаторство в речи, социолекты как отражение социальной структуры и профессионального расслоения, изучение функций языка в разных ситуациях общения значимы

для формирования переводческой компетенции русской языковой личности [1].

Смотрел я недавно фильм-байопик о Л. Гурченко. Известная актриса А.И. Степанова представлена в нем как бандерша, сообщающая героине и поделщикам о сыне: *«Я Сашке купила кооператив на Маяковке. Теперь не отдам – все равно пропьет. Тебе отдам.»* Чтобы так мыслили и говорили известные артисты старого МХАТа!

Налицо явная ошибка. Здесь представляется актуальной проблема идиостиля – выбор слов, смыслов, концептов, оформление мысли. К герменевтике коллоквиалистики относится теория субкультур – один из способов описания культурной дифференциации современного общества. Для каждой из субкультур характерен набор признаков – знаковые (общность идеологии, ментальности, символики, культурного кода, картины мира), поведенческие (обычаи, ритуалы, нормы, модели и стереотипы поведения), социальные (среда, социальная группа) а также все они вместе. К культурному коду относятся и субязык и фольклор. При сборе современного фольклора исследователи руководствуются классификацией К. Соколова и Ю. Осокина [4]: половозрастные субкультуры (детская, молодежная, ЛГБТ, парковые собрания пенсионеров), социально-профессиональные (рабочие, интеллигенция, профессионально-корпоративные субкультуры: компьютерная, медицинская, археологическая, армейская, нищенская и криминально-тюремная), досуговые, религиозные и этнические, территориальные...

Иной пример – герменевтика публичной речи. Недавно я побывал на Пятидесятом открытом фестивале любительских фильмов «Земля тверская». Организатор мероприятия – руководитель областного Дома народного творчества! – говорила клишированными фразами, вот так: *«Наши планы мы строим, исходя из того, что окружает нас. Чтобы перейти к приятностям, я хотела бы вручить первую награду. Вот грамоты, чтобы у вас было хорошее настроение. Желаем всем позитива».* Я сразу подумал: где народ научается так говорить?! И вообще, где и у кого учиться говорить?!

Как ярка, хоть и неграмотна, была речь носителей традиционной народной культуры! И.Н. Горелов [3] проводил показательные психолингвистические эксперименты. В 1950-х, работая школьным учителем, он составил словарь 72-летней хозяйки, у которой жил. Словарь насчитывал 860 единиц, включая пословицы, прибаутки и многочисленные термины из области шорного дела (хозяйка в детстве помогала отцу, шорнику). На долю повседневного общения у старой женщины оставалось не более 500 слов. Горелов прочитал рассказ «Орел и раковина» (136 слов) бабушке и ее внуку и привел их пересказы.

Пересказ бабушки.

«Дело так, значит, было. Не помню где, у воды у само, значит, была эта, как сказали, а я забыла (подсказка) раковина, да. Тута был и коршун (произвольная замена «орла»). Чи как его? Ну, ладно. Ну, как он живет? Ест, значит, живность, рыбу, чи еще что. Рыбы в тот раз не было, а была эта самая, я все забываю... Ну да, она. Увидал ее, значит, коршун – и к ей. Ага... Было у нее такое (жест ладонями «открыть-заккрыть») – хотит раскроется, хотит – нет. Могит и зачинить (захлопнуть, закрыть – И. Г.) Коршун, значит, туда (жест), а она его – (жест) Ни туда, ни сюда тому коршуну. Не мог он, значит, себя ослобонить. А тута вода поднялась (в тексте «прилив» – И. Г.). Коршун в воде нежилец. Издохнул он в воде. А она себе живет».

Пересказ внука.

«Большая ракушка сидела на песочке. Большая ракушка раскрыла эти свои... эти... (подсказка) Да, створки. Она сидела и смотрела на море. А какие глазки у ракушки? Нет глазок? А как же она тогда смотрела? Просто лежала? Ладно, пусть лежит... Лежит она и лежит. А на большой горе было гнездо. В гнезде жил орел с детками. Орел – царь птиц. Он самый сильный и храбрый. Он всех птиц может победить... А царь птиц может победить царя зверей – тоже? Нет? Почему? Ну ладно. Орел захотел съесть большую ракушку... А ее едят разве? Она вкусная? А вы ели? Ладно, буду дальше рассказывать. А я дальше забыл... (подсказка) Орел увидел большую ракушку и говорит: «Сейчас я тебя съем!» А большая ракушка говорит: «Нет, не съешь, я тебя за лапы схвачу!» А орел говорит: «я тебя не боюсь, я – царь всех птиц!» Как бросился он на ракушку, как схватил, как съел ее всю!.. Нет, он не поел... Она ему лапы прищемила. Тогда он вырвался и улетел».

Рассказ бабушки беднее, изобилует ошибками, но... он вернее и красивее. Мы выходим к пониманию красоты по И. Канту. Кантовская известная формула эстетики гласит: «Прекрасно то, что нравится независимо от смысла» («Schoen ist, was ohne Begriff gefaellt»). Отсюда важность категории «эстетическое», актуальной для создания и понимания речевого произведения.

Обращая свое внимание на отдельные элементы текста («как сделан текст»), обучаемый должен ставить перед собой вопрос: «Что я вижу и почему? Что заставляет меня понимать это вот так, а не по-иному? Насколько вероятны другие интерпретации? Каково место данного феномена в ряду других?»

Интересно и то, как говорят литературные персонажи, их словотворчество, сленг. Например, герой С. Минаева фольклорен. Приведем

примеры сленга – «языка, который засучивает рукава и принимается за работу»:

*«Вау, клево, класс, супер, бред какой-то, не грузись. Старперские темы, ксива, менты. Идея с заменой паспорта не канает. Не прикололо. Мандежник, мутные перцы, затусить. Мне нужно с этими упырями встречаться. Тут голяк. Пустые понты, лошня. Колхозница, не зарубайся. У меня на эту пургу нет времени. Гоню, понтуюсь, прогоняю левые телеги. Сколько раз говорю: давайте перестанем бухать, торчать и отжигать до утра, если на следующий день репетиция. Попустись, брателло. Засылает косарь в месяц. Вы все еще трете за любовь? Без мазы. Беспонтово, жесть. Стебануться. Головняки, стремные политические акции, попадосы с мелким бизнесом, лажовые правила. Ну что, падла, сразу тебя кончить, или ты сначала нам отпишешь свою с***ную хату в Бескудникове?»*

В этом и заключается художественная находка С. Минаева. Проблематика художественности в текстах фикшн сводится, впрочем, не только к фольклорности, к применению художественных приемов, а к обилию художественных идей. С этим у С. Минаева хуже.

Лексический пласт социальной среды важен, но не только он. Обратимся к тексту книги И. Васильева «В гору под гору» и посмотрим на его рецепцию глазами современного читателя. Событиям, описанным в романе, 100 лет, сам роман написан почти 90 лет назад. Читать его глазами тех читателей, которым он предназначался, и тем более глазами представителей той среды, которая описывается в романе, мы не можем, да и не должны. Ушел в историю двадцатый век.

В тексте в качестве художественного приема используются диалектизмы, стилизации народного неграмотного говора и т.д. – *учителя и другие разные делигенты, поослобоните, хоцца, булыкатить, матка, не человек ты, а гмыра, официальный корреспондент, ансунуации, пролетарьят, шпиены, мильен, исером стал, ее каргу за монархизму упечь следует, ринягат, не можешь приказывать, опортышей-то на селе подмели, альрничала, поснывалка.*

Это диалектизмы-синонимы (имеют синонимическую в литературном языке) и диалектизмы этнографические (обозначают понятия социальной среды).

При этом ряд понятий и слов сегодня уже не совсем ясны:

Вон Иван Авдеев ступает понуро за межником.

Он увлекся пахотой и любовно следил за работой палицы.

Для исправных жихарей он был бельмом на глазу.

...мрачный, что узнал свою занавоженную зеленую чоложень.

Ушли в историю сами сельские профессии: *шинкарка, бондарь, овчинник, вальщик, шорник*.

Но текст произведения ценен для нас не этим.

При сегодняшней рецепции ощущаются интертекстуальные переключки – это прежде всего М. Шолохов, Н. Островский, Б. Лавренев, К. Тренев, А. Гайдар, С. Неверов и т.д., в какой-то мере С. Есенин, С. Клюев, все крестьянские поэты и писатели, авторы эпопей о жизни деревни в послеоктябрьский период А. Иванов, Г. Марков, П. Проскурин, С. Залыгин («единый текст сибирской эпопеи», экранизированный, написанный литературными генералами), произведения писателей-деревенщиков (В. Белов и др.) Большинство этих работ появились уже после жизни самого автора.

Обратимся к показательным примерам **из высокохудожественных текстов**. Оценим, скажем, стиль мемуаров А. Вознесенского (оба ниже-следующих примера заимствованы из книги [2]):

«Отпевали Рихтера в небесном его жилище на 16-м этаже на Бронной. Он лежал головой к двум роялям с нотами Шуберта, и на них, как на живых, были надеты серебряные цепочки и образки. Его поху-девшее, помолодевшее лицо обрело отсвет гипса, на сером галстукe горели радужные прожилки в стиле раннего Кандинского. Лежали смуглые руки с золотым отливом. Когда он играл, он закидывал голову вверх, подобно породистому догу, прикрывал глаза, будто вдыхал звуки. Теперь он смежил веки, не играя. И молодой рыжий портрет глядел со стены.

Помню его еще на пастернаковских застольях. Сквозь атлетического юношу уже просвечивала мраморная статуарность. Но не античная, а Родена. Он был младше других великих застольцев – и хозяйна, и Нейгауза, и Асмуса, но тогда уже было ясно, что он гений... Когда Пастернак предложил мне проводить Анну Андреевну Ахматову, я, сделав вид, что замешкался, уступил эту честь Славе. Сейчас они там встречаются.

*Отпевавший его батюшка, в миру скрипач Ведерников, сказал точно и тонко: «Он был над нами». Вечерело. В открытые балконные двери были видны кремлевские соборы и Никитский бульвар. Он парил над ними. «Господи, – пела пятерка певчих канонические слова заупокойной службы, – Тебе Славу воссылаем...». **Впервые эти слова звучали буквально».***

Речь идет о том, что от поразительных сравнений, от авторских неологизмов, от метафор, концептов, от выбора лексики, от тем, ноэм, особенностей синтаксиса, наконец, от стилистического приема каламбура, парадоксально уместного в данном тексте, читатель должен выйти

к пониманию авторского отношения к описываемому, значимости Рихтера и т.д. Как транслируется культура? Как школьнику добиться того, чтобы мыслить так же? Стоит ли иметь эти ценности, полагать такой же художественный взгляд на мир?!

Или вот возьмем его отрывок, посвященный Крученыху:

«Тут в моей рукописи запахло мышами. Острый носик, дернувшись, заглядывает в мою рукопись. Пастернак остерегался от знакомства с ним. Он появился сразу же после первой моей газетной публикации. Он был старьевщиком литературы. Звали его Алексей Елисеич, Кручка, но больше подошло бы ему – Курчонок.

Кожа его щек была детская, в пупырышках, всегда поросшая седой щетинкой, растущей запушенными клочьями, как у плохо опаленного цыпленка. Росточка он был дрянного. Одевался в отрепья. Плюшкин был рядом с ним выглядел завсегдаем модных салонов. Носик его вечно что-то вынюхивал, вышныривал – ну не рукописью, так фотографией какой разжиться. Казалось, он существовал всегда – даже не пузырь земли, нет, плесень времени, оборотень коммунальных свар, упыриных шорохов, паутинных углов. Вы думали – это слой пыли, а он, оказывается, уже час сидит в углу.

Жил он на Кировском в маленькой кладовке. Пахло мышью. Света не было. Единственное окно было до потолка завалено, загажено – рухлядь, тюками, недоеденными консервными банками, вековой пылью, куда он, как белка грибы и ягоды, прятал свои сокровища – книжный антиквариат и списки... Он таскал книги. Его приход считался дурной приметой».

Обратим внимание на особенности разговорного, коллоквиального стиля, на особенности создания образа словом – и выйдем к образу героя русского футуризма. Каково отношение автора к описываемому герою, почему он ценен?! Я думаю, что не каждый сегодняшний читатель сможет на этот вопрос ответить.

Как написаны эти тексты, что заставляет нас трактовать их как художественные? С того времени, как функции риторики берет на себя поэтика художественной литературы, исследователей с особой силой занимает вопрос о причинах ответственности текста. Объяснение им видится в такой расплывчатой, ненаучной категории, как «художественность» [1].

Вслушаемся в текст элитарной русской культуры:

«Новгород – единственный город в Европе, в котором до сих пор существует земляной вал, по которому когда-то шли деревянные укрепления с каменными башнями. И какой вид открывается с этого вала! На некотором расстоянии от Новгорода шло кольцо церквей, частично сохранившихся до сих пор. Позади Красного (т. е. «красивого») поля

было видно шествие белых строений: Рюриково городище, Нередица, Кириллов монастырь, Андрей на Ситке, Ковалево, Волотово, Хутынь. Именно «шествие», обращенное алтарями на восток, они как бы двигались навстречу солнцу».

Так образно писал Д.С. Лихачев. Какое понимание города, какой замечательный язык, исполненный мысли! Будем же достойны этого наследия, будем же говорить о высоком высоком языке – это позволит нам сформулировать помыслы, достойные величия!

Приведем еще один пример. В наше время в России изданы воспоминания изгнанника – кн. Сергея Щербатова – представителя московской знати, художника, владельца галереи в знаменитом доме на Новинском бульваре, удивляющим москвичей и поныне сходством с палаццо Виченцы [5]. Прекрасный стиль и язык. Описывая мебель, созданную Бакстом, в своих воспоминаниях «Художник в ушедшей России» Щербатов пишет: *«Великая княгиня Мария Павловна (старшая), супруга великого князя Владимира Александровича, довольно полная, уселась в бакстовское кресло, а когда поднялась, унесла его «на себе», настолько оно было легкое и узкое. Бакст побежал «снимать» с нее кресло. Веселая и забавная, великая княгиня страшно рассмеялась, но все же укоризненно погрозила бывшему у нее в большом фаворе Баксту пальцем: «Извольте, cher maitre, написать при входе в ваш adorable boudoir: «Садиться запрещено таким, как я – только для сифид». К ним, как видите, не принадлежит».*

Это образец разговорного стиля эпохи Серебряного века.

Заканчивает мемуары римский изгнанник так:

«Золотая рыбка уплыла на дно морское, и ныне, как старик в пушкинской сказке, я сижу на берегу и могу звать только ее – вернись. Но тщетно! – я знаю, она не вернется. По ту сторону – вся моя бывшая жизнь, столь иная, когда-то солнечная, озаренная светлой надеждой на будущее».

Щербатов пишет сложно. Велеречиво, позволяет себе обстоятельные отступления. Встречаются в них и отвлеченные пассажи, вызывающие в памяти произведения дидактического жанра. Сам Щербатов на свою задачу мемуариста смотрел с некоторой торжественностью, и это важно для понимания его авторского замысла. К созданию мемуаров его побудила не столько внутренняя потребность писать, сколько чувство патриотического долга перед русской культурой. Так считает комментирующая мемуары Татьяна Дубина. Всему этому есть детальные подтверждения в тексте. Выйти от детали к целому и от целого к детали, правильно интерпретировать деталь – дидактическая задача.

Приведенные примеры убеждают в одном: велика роль детали в понимании стиля, менталитета, социолекта. Чтобы соотносить тот или иной текст с его стилем, надо тренироваться в постижении частности. Частность, выводящая к целому, – это и есть техника герменевтического круга. Техника герменевтического круга может выводить к предвосхищению как оценке всего текста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Богин, Г.И. Обретение способности понимать / Г.И. Богин // Фонд институт развития им. Г.П. Щедровицкого [Электронный ресурс]. – 2018. Режим доступа: <http://www.fondgp.ru/gp/personalia/1970/6>. – Дата доступа : 29.02.2018.
2. Вознесенский, А.А. На виртуальном ветру / А.А. Вознесенский. – М.: Вагриус, 1998. – 477 с.
3. Горелов, И.Н. Разговор с компьютером: психолингвистический аспект проблемы. / И. Н. Горелов. – М.: Наука, 1987. – 265 с.
4. Неклюдов, С.Ю. Современный городской фольклор / С.Ю. Неклюдов. – Москва: РГГУ, 2003. – 736 с.
5. Щербатов, С. Художник в ушедшей России / С. Щербатов. – М.: Согласие, 2000. – 688 с.

ОККУПАЦИОННАЯ СУДЬБА ЕВРЕЕВ В РОМАНЕ Т. МИГАЛЯ «ШИНОК «СЕЛЬДЬ НА ЦЕПИ»

THE OCCUPATIONAL FATE OF THE JEWS IN T. MIGAL'S NOVEL “TAVERN “HERRING ON THE CHAIN”

Н. В. Горбач

N. V. Horbach

Запорожский национальный университет
Запорожье, Украина
Zaporizhzhya National University
Zaporizhzhya, Ukraine
e-mail: horbachnathalia@gmail.com

В статье рассмотрена художественная рецепция Холокоста в романе Т. Мигалья «Шинок «Сельдь на цепи», который продемонстрировал изменение отношения украинской литературы к ранее негласно табуированной еврейской теме, гуманизацию литературы о событиях Второй мировой войны. Предложенный аспект анализа является важным с точки зрения переосмысления и переоценки прошлого, в том числе связанного с Холокостом.

Ключевые слова: роман; гуманизация; человек; Холокост; жертвы войны.

The article presents the artistic reception of Holocaust in T. Myhal's novel “Tavern “Herring on the chain”, which shows the change of Ukrainian writers' attitude to the previously tabooed Jewish theme, the humanization of lit-